

ПЯТНА ШОКОЛАДА: СТАНИСЛАВ ЛЕМ В ВОСПОМИНАНИЯХ СВОЕГО СЫНА

Ндйя Ивона Анна

литературовед, переводчик, доктор гуманитарных наук, профессор Института литературоведения Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (ул. К. Обитца 1, 10-725 Ольштын, Польша).

E-mail: anna.ndiaye@uwm.edu.pl

Iwona A. Ndiaye – literary critic, translator, Doctor of Philology, Professor at the Institute of Literary Studies University of Warmia and Mazury in Olsztyn (K. Obitza str. 1, 10-725 Olsztyn, Poland).

Барышников Павел Николаевич

д. филос. н., доцент, доцент кафедры исторических, социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет».

(пр. Калинина, 9, Пятигорск, Россия)

E-mail: pnbaryshnikov@pglu.ru

Pavel N. Baryshnikov - Doctor of science (in Philosophy), assistant professor, Department of History, Social Sciences, Philosophy, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia (av. Kalinia, 9, Pyatigorsk, Russia)

Библиографические данные польского издания:

**Tomasz Lem, *Awantury na tle powszechnego ciążenia*,
posłowie Tomasz Fiałkowski, Wydawnictwo Literackie, Kraków 2012.**

Книга *Awantury na tle powszechnego ciążenia* Томаша Лема это биография, но неклассическая. Она представляет собой некий «гибридный жанр», включающий его воспоминания, рассказы и анекдоты об отце – Станиславе Леме. Такая форма пересказа помогает понять, каким человеком в повседневной жизни был польский писатель.

Это, конечно, не первая попытка показать С. Лема в освещении фактов из его частной жизни. В Польше вышло несколько публикаций, в которые были включены разговоры, интервью, корреспонденция. Однако публикация, подготовленная Томашом Лемом, отличается тем, что он не ставит перед собой цель изобразить жизнь «выдающегося писателя». Тот, кто ищет в книге образ «Лема-писателя» или «Лема-мудреца», разочаруется. Автор книги дает образ «Лема домашнего», такого, которого знали только самые близкие люди из его окружения, показать, какие у него были привычки, как он вел себя в семейном кругу (например, мы узнаем о тайне кабинета писателя, о его страсти к сладостям и т.д.).

Возникает несколько образов С. Лема:

Лем – большой ребенок

Лем – создающий вокруг себя беспорядок

Лем – безумный водитель

Лем – сладкоежка.

Среди различных воплощений писателя главным, все-таки, оставался «Лем-отец». Хотя образ отца, который вырисовывается из этой книги, далеко неоднозначен. С одной

стороны, Лем – любящий отец, с другой – он лишен эмпатии и является человеком «аподиктическим» (не терпящим возражений). Он был заботливым, терпеливым отцом и одновременно излишне требовательным по отношению к сыну, ставя перед ним невыполнимые требования (в первую очередь касающиеся обучения).

Т. Лем рассказывает о своем необычном детстве и необычных отношениях, которые сложились между ним и отцом. Томаш родился, когда писателю исполнилось 47 лет. Когда он был младенцем и маленьким ребенком, отец не ухаживал за ребенком, полностью отдавая себя писательской работе.

«Отец каждый день поднимался в четыре утра, иногда раньше. От зари дом переполнял звук пишущей машинки. (...) Не обладая «сравнительным материалом», я и предположить не мог, что этот звук за стеной не есть насыщенный хлеб других польских детей».

Но когда Томаш вырос, они проводили вместе с отцом много времени, по-детски играли, дурачились и шалили. Томаш признает, что отец иногда казался ему «большим ребенком». Игрушки, кораблики, паровозы, отец, на самом деле, покупал для себя, а во время игры до такой степени увлекался, что совсем забывал про сына. Игра с отцом, обожающим технические науки, сводилась в основном к попытке создать разные изобретения (например, электрическую сахарницу).

Станислав Лем – не самый простой человек в общении. Конвенции, принятые в обществе правила поведения, закон любезности в общении – все это было ему чуждо. Иногда с наивностью ребенка он мог сказать правдивые, но обидные слова во время официальных встреч, приемов и т.д. Он мог быть резким в своем поведении, например, угрожал журналистам, которые его сильно раздражали, что он их «сбросит с лестницы». Тем не менее он обладал чувством юмора.

Одновременно Лем представлен в воспоминаниях сына как человек рассеянный, и одновременно крайне рациональный. И при этом сердечный, преданный и лояльный по отношению к своей семье и друзьям.

Поведение отца сын объяснял как проявление эгоцентризма гения. Томаш подчеркивал, что жизнь с гением под одной крышей бывает нелегкой, и у него и его матери жизнь была такой. Но, несмотря на это, об отце он говорил, что тот был «настоящим явлением». Его рассказы об отце переполнены теплом и нежностью.

Томаш Лем пишет: «По сравнению хотя бы с семьей Томаша Манна, все у меня и матери было великолепно».

Но в этих словах, похоже, звучит горькая нота. Ведь, как известно, о Манне говорилось, что он был самым худшим отцом среди самых лучших писателей.

Следует подчеркнуть, что книга Томаша Лема – это не только повествование о личной жизни писателя. Своеобразным фоном для основной сюжетной линии является общественно-политическая жизнь в стране. Абсурдная действительность в послевоенной Польше (польск. PRL – Polska Rzeczpospolita Ludowa), в тот исторический период, когда страна была *де-факто* марионеточным образованием, созданным Советским Союзом, напоминает сюжеты родом с другой планеты. Это ироничное и ностальгическое путешествие в те времена, которые далеко не всегда ассоциируются с идиллией. Контекст основного повествования превращается в собирательный портрет польской интеллигенции. Среди ее представителей такие выдающиеся личности, как Славомир Мрожек, Владислав Броневский, Владислав Бартошевский, Ян Блоньский. Дается контекст сложных жизненных выборов писателя и объясняется его поведение в разных ситуациях.

Письма – своеобразный «иллюстративный повествовательный прием». Корреспонденция подчеркивает достоверность воспоминаний и памяти Томаша Лема об

отце. Он включил в свою книгу заметки и письма известных людей этой эпохи, которые являются не только эпистолярным документом. Но также письма, которые сам писатель отправлял своим близким знакомым.

Среди получателей писем С. Лема самые выдающиеся личности: Славомир Мрожек (Sławomir Mrozek, 1930–2013) – писатель, драматург, эссеист, художник; Александр Счибор-Рыльский (Aleksander Ścibor-Rylski, 1928–1983) – писатель, режиссер и сценарист; Ежи Врублевски – график, автор комиксов (Jerzy Wróblewski, 1941–1991); Михаэль Кандель – американский славист, писатель, переводчик польской литературы на английский язык, в том числе произведений Лема. В своих письмах Лем не только выражает отношение к каким-то существенным вопросам, но и описывает самые подробные мелочи из своей жизни и жизни своей семьи.

Книга включает богатый иллюстративный материал. Фотографии – из домашнего архива, многие из них – это также своеобразные «фото-анекдоты».

Кроме того, хотелось бы заметить, что личность и творчество Станислава Лема остается в центре читательского, издательского и исследовательского внимания в Польше. В 2017 г. вышла биография *Lem. Życie nie z tej ziemi* авторства Войцеха Орлинского. Издательство «Wydawnictwo Literackie» регулярно переиздает произведения Лема. Вышла антология Лема *Ogród ciemności i inne opowiadania*, составленная его сыном Томашем.

В книге материал размещен тематически в 14 главах. Далее приводится аннотированное содержание каждой главы.

Содержание:

1. Оккупация
2. Бася
3. Начало
4. Автомобильные приключения
5. Путешествия
6. Диктанты
7. Старый дом на Клинах
8. Кабинет
9. 80-е годы
10. ПНР (*ред.* Польская Народная Республика)
11. Здоровье
12. Выезд из Польши
13. Берлин 1983, Вена 1983–1988
14. Возвращение в Польшу

«Когда мой сын изучал физику в Принстонском университете (...) я поддерживал с ним активную переписку. И он жаловался матери в письме, что отец, вместо того, чтобы писать о своей внутренней жизни или спрашивать о его настроении, пишет о галактиках, о черных дырах (...). Моя жена ответила (...): «внутренней жизнью твоего отца являются именно черные дыры и галактики»».

Станислав Лем, *Świat na krawędzi*

Введение

Автор книги (сын Станислава Лема) – профессиональный переводчик английской литературы. Во введении Томаш Лем объясняет, что его переводческий опыт оказал

влияние на концепцию книги. Он привык к редакционным сокращениям текста. Исходя из этого опыта, он удалял все лишние элементы. Поэтому, как он предупреждает, книга может показаться «сухой». Во время работы над книгой его сопровождала цитата из знаменитой книги *Беседы поляков летом 1983 года*, в которой автор обращается к себе с призывом «давай конкретнее, Марэк». Кстати, книга Ярослава Марэка Рымкевича (Jarosław Marek Rymkiewicz, род. 1935) – польского поэта, эссеиста, драматурга, литературного критика, одна из любимых книг его отца. И прислушиваясь к этому совету, он старался избегать стилистической путаницы. Вместо того много внимания уделяет конкретным ситуациям и всяким подробностям из жизни отца.

Глава 1. Оккупация

Станислав Лем родился во Львове, мать Томаша в имении под Краковом. Поэтому он говорил, что, если бы не Гитлер и Сталин, они никогда бы не познакомились. Факты из жизни отца, относящиеся к периоду войны, малоизвестные. Но известно, например, что во время немецкой оккупации писатель скрывался под фальшивой фамилией. Неоднократно чудом оставался в живых. Но самое травматическое воспоминание этих лет связано с тем, что восемнадцатилетним юношей он был заставлен немцами работать при транспортировке трупов.

Сам отец практически ничего не говорил про свое прошлое, особенно годы войны. Его «посредником с внешним миром» была его жена. И она рассказала сыну многие факты из жизни отца.

Глава 2. Бася

(ред. имя жены – уменьшительная форма от имени Барбара, Барбара Лесьняк – Barbara Leśniak)

Родители познакомились ок. 1950 г. в Кракове в нерадостные годы сталинизма. Отец долго добивался своей будущей жены. Ее руку и сердце завоевал лишь три года спустя.

Лем – сладкоежка. Своей невесте вместо цветов отправил курьером торт. В своем кабинете, гараже, карманах прятал сладости (втайне от других членов семьи, даже сына).

Глава 3. Начало

Родители поженились в 1953 г., и вначале жили в Кракове. Потом на средства, полученные от продажи ювелирных изделий бабушки, и на гонорары за первые публикации купили дом. Это был старый, полуразваленный дом под Краковом. Мать героически боролась, чтобы эту руину преобразовать в настоящим дом. Именно здесь были созданы первые произведения писателя.

Лем часто ездил в Закопане (Zakopane), туристическую местность на юге страны (горы Татры). Закопане – это крупнейший центр разных видов спорта, зимняя столица Польши. Однако Лем не особо увлекался спортом. Правда, в юности играл в теннис и любил кататься на лыжах. Но, следуя рекомендации кардиолога, окончательно бросил всякую физическую активность, в том числе и горные лыжи. Каждую зиму он ездил в Закопане с другой целью. В пансионате «Астория» (Astoria), расположенном в спокойном районе Закопане, были созданы наиболее известные его книги. Лем любил ездить в Закопане в начале июня. Лето – это пора, когда ярко проявляется сезонная аллергия, которой страдал писатель. Поэтому в горах ему легче дышалось и работалось, чем в Кракове, городе, покрытым в это время плотным смогом.

На вопрос жены, которая из его книг должна остаться в коллективной памяти, отец ответил, что Кибериада (Cyberiada, 1965).

Глава 4. Автомобильные приключения

Лем – водитель, обладающий большим темпераментом. Он превышал скорость, любил обгонять другие машины, особенно когда поднимались в горы. Причем вопрос безопасности не был для него приоритетным. Он всегда был уверен, что никакая машина не выскочит по встречной полосе. Чаще всего такие рискованные решения заканчивались различными приключениями или аварией двигателя.

Глава 5. Путешествия

После 1956 г. родители получили загранпаспорта. В 50-60-е гг. совершили несколько заграничных поездок (Скандинавские страны, Чехия, Югославия, Италия).

Лем никогда не обращал внимания на такие вещи, как соответствующая одежда. Следование актуальной моде было ему абсолютно чуждо. Незаменимые вещи в его гардеробе: старый свитер, обширные брюки, подтяжки для брюк и берет. Одежда, которую он носил всегда, была мята, с пятнами от шоколада. Но когда выступал перед камерами, Лем шел на некий компромисс и мог надеть рубашку, галстук или костюм.

У Лема была традиция решать различные вопросы посредством писем (Томаш Лем называет их «письмами о разводе»). Писатель таким образом порывал контакты с переводчиками, журналистами, литературными критиками, агентами.

В 60-е гг. Лем два раза побывал в России, вместе с делегацией польских писателей (1965, 1968). В 1968 г. ехал уже как более известный писатель и отмечал знаки внимания.

В письме от 26 ноября 1970 г. к Александру Счибору-Рыльскому писал:

«Луна17* – это просто такая же игрушка, как у Томечка, с той только разницей, что советские люди, смелые новаторы, играют ей на более значительных расстояниях».

В письме к Ежи Врублевскому от 10 ноября 1965 г.:

«Ленинград, Москва, Харьков, Дубна, т.е. Международный институт ядерной физики – и меня очень чествовали (...). Я был почетным гостем космонавтов, получил от них фотографии, которые они сделали в космосе (...), получил странные подарки (монокристалл, алюминий, прыгающая утка с бабочкой, обилие книг, сосуд Дьюара для жидкого водорода, но он у меня разбился, (...) портрет Эйнштейна. (...) Я летал реактивным самолетом, брюхатым самолетом Ан, который звали там «беременная саранча», автомобилем, экспрессом Красная Стрела (...). Я был у Капицы, дома у Шкловского, в гостинице встречался с группой физиков из ИФЕ в Москве».

«В России я становился все более известным, а уж «Солярис» свел с ума не только Тарковского, чей фильм стал причиной нашей великой ссоры (...). Как только я появился в Москве, ученые отбивали меня у литераторов. В результате я не познакомился ни с одним литератором, за исключением кажется только братьев Стругацких, только с одними физиками, астрофизиками, кибернетиками, диссидентами».

(Мир на грани)

Среди советских ученых с особым интересом отнесся к нему Петр Капица, советский физик, инженер и изобретатель, Лауреат нобелевской премии:

«Капица принял меня в Москве, закрылся со мной в кабинете, и мы часик говорили друг с другом. Его сотрудники, ожидавшие в коридоре, были очень разочарованы, поэтому я легкомысленно сказал: – Кто желает, может посетить меня в гостинице «Пекин». И вечером пришло столько гостей, что они вынуждены были стоять, хотя номер был большой, а камерная по замыслу встреча превратилась в что-то в роде митинга». *(Мир на грани)*.

«Профессор Добрушин явился в 10 ч., вместе с кучей математиков и кибернетиков, и мы провели полночи, говоря de omnis rebus et quibusdam aliis [ред. обо всем и некоторых

* «Луна-17» – советская автоматическая межпланетная станция для изучения Луны и космического пространства, несущая на себе самоходный аппарат «Луноход-1».

других вещах], о том что Шкловский представлял меня как интеллектуального суперзверя, о том что некий палеонтолог называл «сепульками» обнаруженные им новые виды насекомых (*s. mirabilis* и *s. syriacta*) (...) (Из письма Владиславу Капустинскому, декабрь, 1968).

Неприятным контрастом по отношению к признанию, с которым встречался Лем в СССР среди самых знаменитых авторитетов в науке, являлся слабый отзыв о его произведениях в Польше. Сам автор книги заметил интересный феномен. Такой же разной оказалась судьба его книг на Востоке и на Западе. На Востоке он был просто видом океана. Он получал из России длинные письма, которые иногда представляли собой целые философские трактаты, а потрепанные экземпляры его изданий являлись пособиями для обучения польскому языку. Разные, «высоконаучные» люди из России отправляют ему свои произведения с посвящением. Польша – это специальный *casus*, ведь никто не является пророком у себя. (Из письма Славому Мрожеку, 1967).

Глава 6. Диктанты

В доме в Клинах в 60-е гг. часто бывал племянник – Михал, который был болезненным ребенком. Чтобы мальчик не скучал, дядя Сташек (Станислав Лем) привозил ему из краковских библиотек большое количество книг, которые сначала читал сам, чтобы, как говорил, проверить, не содержат ли они что-то неподходящее. Лем проводил с ребенком диктанты. В семейном архиве сохранились многочисленные записанные тетради.

Глава 7. Старый дом в Клинах

Подробное описание всех помещений в доме и повседневного быта семьи.

Глава 8. Кабинет

Кабинет отца казался Томашу магическим местом. Все стены были заставлены книгами, в помещении находилось огромное количество безделушек, ненужных вещей (магниты, бумеранг, зажигалки, электрический двигатель для ткацкой машинки, коллекция моделей машинок, небольшой робот и т.п.). Отец гордился прежде всего машиной Wimshursta (генератор Уимсхёрста).

В кабинете отца часто присутствовали какие-то люди. Назвать все фамилии невозможно, их список напоминал бы телефонный справочник. Одновременно круг самых близких людей был очень узок. Самым частым гостем и собеседником Лема, кроме Яна Блонского (Jan Błoński), историка литературы, литературного критика, переводчика, который стал прототипом Валоуне'а из *Глас Господа (Głos Pana, 1968)*, был его самый близкий друг – Ян Юзеф Щепански (Jan Józef Szczepański, 1919–2003), писатель, репортер, эссеист, сценарист, переводчик, путешественник, крестный отец сына Лема.

Лем любил в кабинете проводить время с сыном. Они занимались геофизикой (отец рисовал вулканы), рассматривали атласы по анатомии или астрономии, говорили о планетах, названия которых Томаш знал еще в дошкольном возрасте.

Вопреки тому, что Лем утверждал, и часто повторял в интервью, что якобы он был «глухой как тетерев», не только сам часто пел, но также любил классическую музыку, особенно симфонии Бетховена, джаз (особенно дуэт Луи Армстронга и Эллы Фицджеральд), а также некоторые песни группы Битлз из фильма *Yellow Submarine*. Репертуар, который исполнял утром во время бритья, мог удивлять, это были украинские частушки, советская песня «*Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек*», или львовские песенки (обязательно с львовским акцентом).

Чтобы сын не мешал, если ему надо было написать какой-то текст, на всякий случай записывал для него на магнитофон рассказы со сказками. В то время, когда он работал, сын слушал кассеты. Это были сокращенные варианты тех рассказов, которые затем вошли в книгу *Кибериада*.

В домашнем архиве сохранились записи его лекций, которые в 70-е гг. Лем читал в Ягеллонском университете. Самым интересным кажется повод, для чего отец делал эти записи. Отец всегда выступал без записок и конспектов. Дома прослушивал кассеты, чтобы отметить, какие темы уже затронуты, чтобы не повторять материал. Таким образом он делал специфические заметки, т.е. список всех существенных вопросов, о которых НЕ надо говорить на следующей лекции.

Глава 9. 70-е гг.

Очень долго Лем не хотел ребенка. Он считал, что мир жесток и непредсказуем, предполагал, что скоро начнется Третья мировая война – скорее всего ядерная, поэтому, возможно, последняя в истории человечества.

«Очень долго я не мог решиться на ребенка, у меня, и у моей жены, были опасения, свойственные людям думающим и таким, которые пережили немецкую оккупацию, ибо мир, в общем, кажется местом, плохо обустроенным для принятия людей, особенно для тех, у кого был именно такой опыт, как у нас». (Из письма Михаэлю Кандлу, август 1972).

Глава 10. ПНР – Польская Народная Республика

(ред. PRL – Polska Rzeczpospolita Ludowa)

50-е гг. в коммунистической Польше отличались абсурдами, которые иногда каким-то образом сказывались на семейной жизни. Например, однажды поводом ссоры Лема с женой стал колорадский жук, который якобы был сброшен американцами над Польшей с целью противодействия успехам классово осведомленным польским крестьянам. Эта абсурдная информация, которую напечатала «Трибуна Луду» (*Trybuna Ludu*) вместе с фотографией империалистической коробки, могла лишь рассмешить мать, но отец отнесся к этой истории серьёзно.

С. Лем не участвовал в политической жизни, не принадлежал к никакой партии. Но выражал свое отношение к окружающей действительности в своих письмах. Несмотря на цензуру, в письмах, которые отправлял за границу, он сравнивал жизнь в Польше с большой тюрьмой. Действительность была особенно невыносимой для творческих людей, для которых слово являлось средством творческого выражения (в этом плане музыкантам, художникам, скульптурам жилось легче). Свои поездки в Западный Берлин называл отчаянным прыжком над поверхностью воды, чтобы хотя бы на мгновение вдохнуть свежий воздух. В его письмах того периода Польша выглядит тоталитарным государством.

Глава 11. Здоровье

Отец заболел сахарным диабетом. Жить с сахарным диабетом, особенно для человека, обожающего сладкое и не представляющего себе ни одного дня без шоколада, оказалось не так просто.

Глава 12. Выезд из Польши

После введения военного положения отец решил вывезти жену и сына за границу. В это время пришлось приостановить стройку нового дома.

Существовало много различных рациональных поводов для выезда. Среди самых главных Лем назвал: отсутствие доступа к мировой литературе, цензура корреспонденции (не все письма вообще доходили до заграничных получателей), невозможность достать нужные книги для работы, пустые полки в магазинах, отсутствие перспектив для сына, цензура в культурной жизни, ситуация в Союзе Польских Писателей (сильная позиция писателей, сотрудничающих с властью и поддерживающих коммунистический режим), общая ситуация в стране, которую Киселевский определил «диктатурой необразованных».

Но главной причиной принятия решения об эмиграции была для Лема память о военном прошлом. Эти трагические воспоминания вернулись, когда в Польше генерал

Войцех Ярузельский ввел военное положение (1981–1983). Силовое подавление оппозиции, сопровождающееся репрессиями, в ходе которых десятки людей погибли, а тысячи подверглись лишению свободы, повлияло на принятие решения об эмиграции. Когда писатель уезжал за границу, в Польше была настолько сложная общественно-политическая ситуация, что он был уверен в том, что никогда не вернется на родину.

Глава 13. Берлин 1983, Вена 1983-1988

В Берлине начался достаточно сложный иммигрантский этап их жизни. Им пришлось таскаться по разным учреждениям с целью оформить визу для сына и разные административные формальности. Они приобрели новый жизненный опыт и усвоили новое немецкое слово *Abschieben* (выдворить). Проводя многие часы в длинных очередях, среди чернокожих иммигрантов, они открыли новое, менее сказочное лицо Запада.

У Лема было противоречивое отношение к кинематографическому искусству. В принципе, он считал кино пустым развлечением. Ему не нравились также экранизации его книг. Экранизация *Соляриса* Тарковским в 1971 г., и затем голливудский ремейк также ему не понравились. Фильм Тарковского не вызвал энтузиазма Лема, потому что книга рассказывала о чем-то другом. Фундаментальная разница заключалась в разном подходе авторов к космосу. Упрощая данный вопрос, можно сказать, что у Тарковского космос – отталкивающий и чужой человеку, в то время как у Лема – это интеллектуальный вызов. Во время встречи с режиссером в Москве, когда режиссер безрезультатно пытался убедить Лема в своей концепции, Лем выкрикнул: «Вы дурак».

Глава 14. Возвращение в Польшу

Родители вернулись в страну в 1988 г. В день первых демократических выборов в 1989 г. Лем стоял перед избирательным участком с раннего утра и с нетерпением ждал начала работы избирательной комиссии.